

Содержание

ISSN 2587-8190

Ольга Докучаева. Мотив ограниченного знания в Стихе о Голубиной книге и в «Луцидариусе»	245
Дарья Трушина. «Родословная» сатира в «Недоросле» Д. И. Фонвизина и ее традиция в европейской литературе	256
Екатерина Лямина, Наталья Самовер. «Первые и последние стихи французские». Крылов — читатель маркиза де Кюстина.....	269
Анастасия Рожкова. Фольклорный и реальный комментарии к стихотворениям на былинные сюжеты А. К. Толстого «Змей Тугарин», «Илья Муромец» и «Алеша Попович»	281
Ольга Макаревич. Эффект бабочки, или Об одном сравнении в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	293
Ангелина Балабаева. Личность и поэзия А. С. Пушкина в контексте литературно-критических работ Вл. С. Соловьева о русской поэзии	312
Анастасия Полумордвинова. Образ Сверхчеловека в творчестве В. Я. Брюсова: От гениальности к сумасшествию. <i>На материале ранней прозы и романа «Огненный ангел»</i>	330
Дмитрий Цыганов. Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х годов. <i>Институциональный контекст формирования соцреалистического канона</i>	347
Евгения Ковалева. Петербургский текст в лирике Виктора Кривулина 1960-х годов	371
Екатерина Буханова. Элементы рецепции античных мениппей в повести А. Битова «Ожидание обезьян»	388
Указатель имен	409
Содержание семнадцатого тома	425

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),

А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.

Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2021 XVIII (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2021 (3-4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лапо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Издано с использованием гранта Президента Российской Федерации,
предоставленного Фондом президентских грантов.

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Olga Dokuchaeva. The motive of limited knowledge in The Poem about Golubinaja kniga and <i>Lucidarius</i>	245
Darya Trushina. Pedigree satire in The Minor by D. I. Fonvizin and its tradition in European literature	256
Ekaterina Lyamina, Natalia Samover. <i>First and last French verses.</i> Ivan Krylov reads Marquis de Custine	269
Anastasia Rozhkova. Folklore and real comments on the poems on the epic plots by A. K. Tolstoy <i>The Serpent Tugarin, Ilya Muromets</i> and <i>Alyosha Popovich</i>	281
Olga Makarevich. The butterfly effect, or About one comparison in I. A. Goncharov's novel <i>The precipice</i>	293
Angelina Balabaeva. Alexander Pushkin and his poems in the context of Vl. Solovyov's literary criticism about Russian poetry	312
Anastasia Polumordvinova. The image of the Superman in the work of V. Ya. Bryusov: <i>From genius to madness</i> (Based on the material of early prose and the novel <i>The Fiery Angel</i>)	330
Dmitry Tsyganov. Stalin's Prize in the system of the literary process in 1940s — early 1950s. <i>The formation of the socialist realist canon in the institutional context</i>	347
Evgeniya Kovaleva. The St. Petersburg text in the poetry of Viktor Krivulin of the 1960s	371
Ekaterina Bukhanova. Elements of the reception of the ancient <i>menippeas</i> in the novel by A. Bitov <i>The Monkey Link</i>	388
Index	409
Content of the volume	425

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ОЛЬГА ДОКУЧАЕВА
(Москва)

МОТИВ ОГРАНИЧЕННОГО ЗНАНИЯ В СТИХЕ О ГОЛУБИНОЙ КНИГЕ И В «ЛУЦИДАРИУСЕ»

В статье рассматривается мотив ограниченного знания в древнерусских произведениях в жанре эротапокриза: в Стихе о Голубиной книге и в «Луцидариусе». В поле внимания попадает момент возникновения этого мотива в произведениях, его влияние на структуру текста, смысл и связь с другими мотивами. Функции мотива позволяют рассматривать его как особенность произведений жанра эротапокриза.

Ключевые слова: эротапокриз, Стих о Голубиной книге, «Луцидариус», мотив ограниченного знания.

Информация об авторе: Ольга Игоревна Докучаева, студентка РГГУ. Москва, Россия.

E-mail: lelyakaluga@gmail.com

The motive of limited knowledge in The Poem about Golubinaja kniga and «Lucidarius»

The article discusses the motive of limited knowledge in ancient Russian texts: *The Poem about the Golubinaja kniga* and the *Lucidarius*. In the focus gets the moment of its appearance in the works, the influence on the structure of the text, its meaning, the connection with other motives. Functions of the motive allow us to consider it as a feature of the erotapocritical texts.

Key words: Erotapokriseis, The Poem about Golubinaja kniga, «Lucidarius», motive of limited knowledge.

About the author: Olga Dokuchaeva, student of the RSUH. Moscow, Russia.

E-mail: lelyakaluga@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-3-4-245-255

Стих о Голубиной книге и «Луцидариус», списки которых датируются XVII веком¹ имеют вопросно-ответную фор-

¹ См.: *Каган М. Д.* Голубиная книга // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 216; *Булангина Т. В.* Луцидариус (или Златой бисер) // Там же. СПб., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 74.

му и восходят к греко-византийским произведениям жанра эротапокриза. Этот жанр представляет собой ряд вопросов и ответов, связанных с догматами веры, экзегезой, загадками, каноническим правом и т. д.¹ В христианской традиции форма вопросов и ответов была установлена в IV веке; как самостоятельный жанр эротапокриз впервые появляется у Евсевия Кесарийского в его «Евангельских вопросах».² В древнерусской литературе количество текстов этого жанра не поддается исчислению из-за множественных компиляций разных вопросно-ответных произведений. К памятникам жанра эротапокриза относят «Беседу трех святителей», Стих о Голубиной книге, Изборник XIII века, «Вопросы и ответы Афанасия Антиоху», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Варфоломеевы вопросы к Богородице», «Луцидариус».

Часть исследователей относит вопросно-ответные произведения к отдельному жанру, часть считает их литературной формой.³ А. Милтенова на примере древнеболгарской литературы выделяла в качестве структурных элементов, входящих в произведения жанра эротапокриза, толкование библейского топоса, использование вопросов «Кто?» «Что?» «Сколько?» «Где?», максим, толкование отрывков из Священного писания.⁴ В то же время П. Ермилов не выделял устойчивые структурные элементы, и, не считая эротапокритические произведения отдельным жанром, писал, что попытки выделить основные черты этого жанра обречены на провал.⁵ А. П. Каждан в качестве признака жанра выделяет несомненность утверждений, ответов, приводимых в текстах,⁶ в то

¹ Kazhdan A. Erotapokriseis // The Oxford dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 727.

² Miltenova A. Slavonic Erotapokriseis: Sources, Transmission and Morphology of the Genre // The Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition: Continuity and Diversity. Tübingen, 2011. P. 279.

³ См.: Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2014. № 4 (39). С. 7.

⁴ Miltenova A. Slavonic Erotapokriseis: Sources, Transmission and Morphology of the Genre. P. 299–300.

⁵ Ermilov P. Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature // Theologica Minora. The Minor Genres of Byzantine Theological Literature / Ed. by A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio. Turnhout, 2013. P. 124

⁶ Kazhdan A. Erotapokriseis. P. 727.

время как А. В. Анашкин пишет о возникновении сомнений в ответах.¹ К. Замани пишет о гибкости жанра, о сложности его определения и не выделяет его основные черты.² Упомянутые исследователи рассматривают особенности жанра или устойчивые структурные элементы литературной формы в основном на материале греческой литературы, Милтенова привлекала еще и древнеболгарскую. В настоящей статье мы разделяем точку зрения на эротапокриз как на отдельный жанр. Не углубляясь в дискуссию о жанре и форме, хотелось бы рассмотреть мотив ограниченного знания, который обнаруживается в двух анализируемых произведениях древнерусской литературы. В просмотренных трудах мотив ограниченного знания, выраженный в сокрытии ответов на некоторые вопросы, не рассматривается и не выделяется ни как структурный элемент литературной формы, ни как признак произведений жанра эротапокриза. Между тем частое появление мотива в произведениях, его влияние на структуру текста, его смысловая составляющая дают возможность предположить, что его можно считать характерной чертой жанра. Для подтверждения этой гипотезы следует проанализировать как можно больше памятников жанра эротапокриза и понаблюдать за проведением мотива в них.

Анализируя мотив ограниченного знания, нужно определить, в какой момент беседы он появляется, как влияет в дальнейшем на вопросы и ответы, на структуру произведения. А затем — обратиться к смыслу мотива, сделать предположение о его истоках.

Следует рассмотреть, когда мотив появляется в произведениях, какие реплики беседующих его вызывают. В Стихе о Голубиной книге мотив ограниченного знания появляется в начале. В стихе по списку А. С. Уварова вокруг книги, выпавшей с небес, собираются князья, попы, простой народ, но

¹ Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода. С. 8.

² Zamagni C. Une Introduction Méthodologique à la Littérature Patristique des Questions et Réponses: le Cas d'Eusèbe de Césarée // Erotapokriseis: Early Christian Question and Answer Literature in Context. Leuven; Paris; Dudley, 2004. P. 10.

никто не может ее прочесть.¹ Чтение книги недоступно даже царю Давиду, и он может ответить на вопросы собравшихся людей, лишь обращаясь к своей памяти, а не к книге: «Я по старой своей памяти расскажу вам, как по грамоте, по старому по писаному» (СГК, с. 65). Это обстоятельство — недоступность знания для царя Давида — влияет на типологию жанра. Придерживаясь типологии Милтеновой, можно выделить несколько типов эротапокриза: экзегетико-догматический, аскетический, канонико-правовой, катехизический, полемический.² Экзегетико-догматический тип подразумевает истолкование библейских книг путем вопросов и ответов, тексты аскетического типа отличает то, что они находятся в патерических сборниках, канонико-правовой тип основан на комментариях к законам или отдельным частям юридической литературы в Римской империи. Полемический тип эротапокриза содержит вопросы и ответы в защиту Восточной православной церкви, направление этих текстов было антилатинским. Наконец, катехизический тип позволяет читателю ознакомиться с основами и частностями христианского учения, в текстах этого типа интерпретируются библейские символы, события, особенное внимание уделяется связи ветхозаветных и новозаветных образов. Стих о Голубиной книге принадлежит не к экзегетическому типу эротапокриза, ведь в нем нет истолкования библейской книги: выпавшую с небес книгу никто не может прочесть, и невозможно понять, какого содержания эта книга. Вместо этого на вопросы народа отвечает царь Давид, повествуя о событиях из жизни Христа и связывая в своих ответах ветхозаветные и новозаветные образы. Через вопросы и ответы о «первейших предметах» слушатели могут познакомиться с элементами христианского учения, поэтому представляется, что Стих относится к катехизическому типу эротапокриза.

В центре внимания в «Луцидариусе» — беседа учителя и ученика; последний задает вопросы богословского и натур-

¹ Стих о книге Голубиной // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым. В 5 т. М., 1859. Т. 2. Отд. 3: Смесь и библиография. С. 64. Далее ссылки на этот источник даются в круглых скобках в тексте с пометой СГК.

² *Милтенова А. Erotapokriseis. Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература*. София, 2004. С. 8–12.

философского характера. Следовательно, в начале «Луцидариуса» развивается мотив получения знаний, однако мотив их ограничения пока не появляется. Однако уже во второй главе учитель ограничивает желание познания ученика. Тот просит поведать о сотворении небес и земли, о делах Бога, и это знание относится к области скрытого: «Поведал ми еси о Творце, да слышу от тебе еще, повеждь ми о сотворении небеси и земли и о делех всесилнаго Бога, яже в них сотворил».¹ Учитель отвечает на эту просьбу так: «О Боже не дерзнем дале глаголати» (Л., с. 423). Затем учитель рассказывает о сотворении мира, отвечая, таким образом, только на часть вопроса ученика, не рассказывая о Творце. В неполном ответе на вопрос и воплощается структурная роль мотива.

В 26-й главе ученик просит учителя поведать о Луне, звездах и огненном воздухе между ними, на что получает ответ: «Токмо то познавай и веруй еже поволити нам разумети видимая сотворения своя всемогущи Бог» (Л., с. 439). Однако после этого учитель все равно отвечает на вопрос ученика, рассказывает об огне и воде. В этой связи представляется, что не сам вопрос вызывает такую реакцию учителя, а комментарий ученика к предыдущим рассказам учителя: «Превосходит ума человеческого божия чюдотворения, яже сотвори в сем мире благодия своя ради» (Л., с. 439). Можно заключить, что реплики ученика и учителя о творениях Бога и о невозможности их познания нарушают вопросно-ответную форму, и в этом тоже проявляется структурная роль мотива.

В конце произведения вновь появляется мотив ограниченного знания, когда учитель рассказывает о «будущей радости святых» (Л., с. 470). В данном случае, как и в предыдущих рассмотренных примерах, мотив возникает, когда речь заходит о делах Бога. Здесь дела конкретизированы: это благодеяния для святых («Сие же достоин разумети, еже невозможно словом изрещи, каковы дивныя почести уготова всесилный Бог, ихже сподоби и нас милостивы Боже

¹ Книга, именуемая Луцидариос сиречь златы бисер // Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях: По рукописям Соловецкой б-ки. Санкт-Петербург, 1890. С. 423. Далее ссылки на этот источник даются в круглых скобках в тексте с пометой Л.

всех получить по многим и неизреченным щедротам своим». — Л., с. 471). Так как невозможно узнать, какая именно доля уготовлена человеку в будущем мире (это — скрытое знание), то и в ответе учителя эта тема не раскрывается.

Проанализировав место появления мотива, необходимо сказать о его смысловой составляющей. Антитеза божественной мудрости и человеческой сопутствует выделяемому нами мотиву. В Стихе о Голубиной книге выпавшая с небес книга, «божественное писание» (СГК, с. 65) оказывается невиданных размеров: «Долиной книга сорок сажень, шириной — тридцать сажень» (СГК, с. 65). Книга выпадает из грозовой тучи, пришедшей с востока, что усиливает ее божественную природу, ведь восток традиционно связывается с представлением о рае: «из той тучи сильной грозной выходила книга голубиная, божественная книга евангельская» (СГК, с. 64). Противопоставление человеческой и божественной мудрости выражается в том, что собравшиеся вокруг книги цари, князья, попы не могут к ней «поступиться» и «прикоснуться» (СГК, с. 64): даже высокий социальный статус не влияет на возможность познания божественной мудрости.

Несмотря на противопоставление двух типов мудрости, в Стихе прослеживается преемственность человеческой по отношению к божественной. Так, когда царь Давид отвечает на вопрос, откуда ум-разум у людей, он говорит: «У нас ум и разум / Самого Христа, царя небесного» (СГК, с. 66).

В «Луцидариусе» тоже наблюдается противопоставление между божественным и человеческим знанием, однако указывается, что есть вещи, которые известны только Творцу. Так, ученик спрашивает: «Каков есть ад³», на что учитель отвечает: «Есть вверсе узок, а доле широк и глубок; никто же весть меры, токмо Бог един, яко книзи поведают нам, яко некия души, от века тамо впадше, и не обретоша еще дна» (Л., с. 425). О безграничном и исключительном знании Бога упоминается и в следующем отрывке: «Все же строится судьбами всесилнаго Бога: идет дождь и снег и град и роса и иней мраз и зной воздухом и солнцем, како же токмо едины Он всеильны Творец весть» (Л., с. 447). В противовес мотиву из Стиха о Голубиной книге, в «Луцидариусе» содержится идея того, что божественную мудрость в любом случае следует постигать.

В начале «Луцидариуса» речь идет о возможности изучения вечной мудрости: «Покажет нам предвечная премудрость вся сия познати, иже без труда мир сотвори и нас вечней мудрости научи» (Л., с. 422). Несмотря на то что в «Луцидариусе» определенная область знания о природе доступна лишь Богу, в беседе учителя и ученика все равно уделяется внимание изучению природных явлений (например, изучению природы града и снега в 49–50 главах первой книги).

Человеческое знание в «Луцидариусе» в отличие от божественного ограничено тем, что написано в священных книгах. Книги — источник знания, доступного человеку. В 4-й главе первой книги говорится, что только Бог знает о том, как устроен ад, и сразу добавляется: «Яко книзи поведают нам, яко некия души, от века там впадше, и не обретоша еще дна» (Л., с. 425). А на вопрос о том, как сотворено небо («Како небо сотворено?») (Л., с. 426) следует ответ, в какой форме существует небо («Святое писание именует небо твердь») (там же). Но не приводится ответ, как именно Бог сотворил небо, так как это — область скрытого знания.

Поэтому в тексте «Луцидариса» присутствует множество ссылок на священные книги. На вопрос о названиях ада учитель отвечает: «Ад именуется во святом писании ров смертны» (Л. с. 425). В ответе учителя на вопрос о «естестве» небесных звезд встречается: «Сие есть ведомо от писания» (Л., с. 444). В других ответах «Луцидариуса» также появляются ссылки на Писание и на святые книги («писание глаголет». — Л., с. 443, «якоже святые книги поведают». — Л., с. 430). Соответственно, то, о чем не написано в книгах, остается за гранью человеческого знания и принадлежит к области божественной мудрости.

Ссылки на священные книги имеют и другую функцию кроме реализации мотива ограниченного знания. Они появляются для доказательства сказанного учителем. Подобные ссылки подтверждают авторитетность его мнения, так как фигура отвечающего на вопросы становится связующим звеном между божественным и человеческим знанием. Мотив ограниченного знания выявляет избранность учителя/толкователя. К примеру, в Стихе о Голубиной книге подчеркивается статус царя Давида: когда собравшиеся вокруг книги люди не могут ее прочесть, а перед царем Давидом книга открывается, фигура

царя возвышается в глазах окружающих: «Перед ним книга разгибается,/ Все божественное писание ему объявляется» (СГК, с. 65). После этого князь Малодумор называет Давида «премудрым» (там же). Так, царь Давид оказывается приближенным к божественному, но все же недостаточно для того, чтобы прочесть книгу. Народ задает Давиду вопросы и просит найти ответы в книге. Вопросам предшествует следующая просьба: «Прочти, государь, книгу божию,/ Объяви, государь, дела божия,/ Про наше житие световольное» (СГК, с. 65). Так как Давид не может прочесть книгу, ему приходится отвечать на вопросы народа не по книге, а опираясь на собственную память, «по старому по писаному» (СГК, с. 65). В Стихе мотив ограниченного знания сначала относится ко всему народу, собравшемуся у книги, а затем — только к царю Давиду.

В «Луцидариусе» мотив ограниченного знания подчеркивает не избранность учителя, а, скорее, его роль наставника. В репликах учителя присутствует дидактизм. Достаточно вспомнить его наказ в 26-й главе первой части: «Токмо то познавай и веруй: еже поволи нам разумети видимая сотворения своя всемогущий Бог» (Л., с. 459).

Мотиву ограниченного знания сопутствуют мотивы невыразимого и желания познания. В «Луцидариусе» мотив невыразимого вводится следующим образом. Об уготованных для каждого почестях в грядущем мире учитель говорит так: «Еже невозможно словом изрещи, каковы дивныя почести уготова всесилный Бог, ихже сподоби и нас милостивы Боже всех получитьи по многим и неизреченным щедротам своим» (Л., с. 471). И почести, и «щедроты» невозможно выразить. В 25-й главе первой книги встречается такой пассаж: «Всемогущий Бог неизглаголанними судьбами своими мир разделил» (Л., с. 439); в другом месте, в 47-й главе первой части, божественная мудрость прямо названа «неизреченной»: «Всемогущи Бог неизреченною мудростию своею сотвори солнце и месяц и звезды ради возлюбленнаго своего создания человека» (Л., с. 446).

Мотив желания познания также пересекается в «Луцидариусе» с мотивом ограниченного знания: «Аще и зело хочещи постигнути неведомыи глубины судеб божиих, но не можещи болше разумети» (Л., с. 439). В «Луцидариусе» содержится

размышление над желанием познания: ученик с его тягой к познанию должен быть примером для потенциальных читателей, поэтому в начале второй книги читаем: «Еже человек отложит вспять себе просто чего не весть, тогда потреба ему вопрошати знающих, аще же самохотне отречется и знати доброго учения не хочет, то согрешает перед Богом» (Л., с. 455). Важным оказывается не результат учения, а само желание познавать и учиться; задавая вопросы, можно избежать греха. Однако в процессе познания нельзя переступать некую черту. Вспомним: «Токмо то познавай и веруй, еже поволи нам разумети видимая сотворения своя всемогущий Бог» (Л., с. 439). Дидактический посыл несут и мотив желанья познания, и мотив ограниченного знания. Представляется, что ограничение желанья познания происходит во благо задающего вопросы. Так, например, во французском произведении жанра эротапокриза «L'enfant sage à trois ans» сказано, что счастлив тот человек, чьи желанья и воля ограничиваются.¹

Итак, можно заключить, что смысл разбираемого мотива заключается в ограничении знания во благо и в противопоставлении божественного и человеческого знания. Несмотря на то что божественное остается недосыгаемым, человеческое и божественное неизменно оказываются связанными друг с другом, выстраиваются в отношения преемственности.

После анализа мотива в упомянутых произведениях, можно сделать вывод о месте возникновения мотива в текстах, о тех репликах, которые его вызывают. Мотив появляется тогда, когда повествуется о делах Бога, скрытых от человека, о Его сущности. В «Луцидариусе» скрытым предстает то, каким образом те или иные предметы были сотворены, а в Стихе скрыто содержание выпавшей с небес книги. Поэтому истинные ответы на вопросы народа о первейших вещах в мире, о происхождении частей тела человека тоже предстают скрытыми, ведь предполагается, что они находятся в недоступной книге. Необходимо также сказать о структурной функции мотива. В стихе о Голубиной книге невозможность прочесть саму книгу не влияет

¹ L'enfant sage à trois ans, contenant les demandes que lui fit l'Empereur Adrien & les réponses de l'enfant. Troyes, 1800. P. 11.

на обсуждение темы и не прекращает вопросы слушателей, тогда как в «Луцидариусе» мотив ограниченного знания прямо влияет на структуру диалога. Ответы на вопросы, содержащие сокровенное знание, не приводятся в произведении и таким образом нарушается вопросно-ответная структура.

Можно сделать предположение о том, что истоки мотива — библейские. Идея ограничения познания прослеживается уже в книге Бытия (Быт 2:16, Быт 2:17) в связи с древом познания добра и зла. Нарушение запрета прикасаться к древу ведет к греху. В самом раннем самостоятельном примере жанра эротапокриза — в уже упомянутых «Евангельских вопросах» Евсевия Кесарийского — мотив ограниченного знания возникает в связи с тайной рождения Христа.¹ В «Евангельских вопросах» Евсевий Кесарийский ссылается на эпизод из Евангелия, когда Иисус просит учеников не рассказывать никому о творимых им чудесах (Мф 17:9).

Определив круг вопросов, после которых появляется мотив ограниченного знания, их тематику, смысл мотива и его структурные функции, можно говорить о данном мотиве как об одной из особенностей жанра эротапокриза. Однако для подтверждения этой гипотезы следует рассмотреть этот мотив и в других произведениях этого жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология, 2014. Вып. 4 (39). С. 7–15.
2. Буланина Т. В. Луцидариус (или «Златой бисер») // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 72–76.
3. Каган М. Д. Голубинная книга // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 216–219.
4. Милтенова А. Erotapokriseis. Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София. 2004.

¹ *Eusèbe de Césarée. Questions évangéliques / Intr., texte critique, trad. et notes par C. Zamagni. Paris, 2008. P. 82–83*

5. *Ermilov P.* Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature // *Theologica Minora. The Minor Genres of Byzantine Theological Literature* / eds. A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio. Turnhout, 2013. P. 110 –125
6. *Kazhdan A.* Erotapokriseis // *The Oxford dictionary of Byzantium* / Ed. by A. Kazhdan. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 727.
7. *Miltanova A.* Slavonic Erotapokriseis: Sources, Transmission and Morphology of the Genre // *The Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition: Continuity and Diversity*. Tübingen, 2011. P. 279–301.
8. *Zamagni C.* Une introduction méthodologique à la littérature patristique des questions et réponses: le cas d’Eusèbe de Césarée // *Erotapokriseis: Early Christian Question and Answer Literature in Context* / Eds. by A. Volgers, C. Zamagni. Leuven; Paris; Dudley, 2004. P. 7–24.

REFERENCES

1. *Anashkin A. V.* Problemy zhanra voprosotvetnoi literatury v kontekste tserkovno-kanonicheskoi pis'mennosti pozdnevizantiiskogo perioda // *Vestnik PSTGU. Ser. 3: Filologiya*, 2014. Vyp. 4 (39). S. 7–15. (In Russ.)
2. *Bulanina T. V.* Lutsidarius (ili «Zlatoi biser») // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* / Otv. red. D. S. Likhachev. SPb., 1989. Vyp. 2. Ch. 2. S. 72–76. (In Russ.)
3. *Kagan M. D.* Golubinaia kniga // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* / Otv. red. D. S. Likhachev. SPb., 1992. Vyp. 3. Ch. 1. S. 216–219. (In Russ.)
4. *Миланова А.* Erotapokriseis. Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София, 2004.
5. *Ermilov P.* Towards a Classification of Sources in Byzantine Question-and-Answer Literature // *Theologica Minora. The Minor Genres of Byzantine Theological Literature* / eds. A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio. Turnhout, 2013. P. 110 –125
6. *Kazhdan A.* Erotapokriseis // *The Oxford dictionary of Byzantium* / Ed. by A. Kazhdan. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 727.
7. *Miltanova A.* Slavonic Erotapokriseis: Sources, Transmission and Morphology of the Genre // *The Old Testament Apocrypha in the Slavonic Tradition: Continuity and Diversity*. Tübingen, 2011. P. 279–301.
8. *Zamagni C.* Une introduction méthodologique à la littérature patristique des questions et réponses: le cas d’Eusèbe de Césarée // *Erotapokriseis: Early Christian Question and Answer Literature in Context* / Eds. by A. Volgers, C. Zamagni. Leuven; Paris; Dudley, 2004. P. 7–24.